Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 42–53.
Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 42–53.

Научная статья
УДК 303
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/42-53

Гуманитарная наука перед вызовом трансформаций современного мира (материалы научного семинара)

Татьяна Александровна Алексеева
Московский государственный институт международных отношений (университета),
Москва, Россия, e-mail: ataleks@mail.ru
Михаил Васильевич Ильин
Высшая школа экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Московский государственный институт международных отношений (университета),
Москва, Россия, mikhaililyin48@gmail.com
Анатолий Михайлович Кузнецов
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetsov.2012@ mail.ru
Андрей Владимирович Поповкин
ДВО РАН, Владивосток, Россия, andrey.popovkin@gmail.com

Ключевые слова: *гуманитаристика, философия, неклассическая наука, неопределенность, политический реализм, политология, международные отношения, многополярность, униполярность, индуктивность*
Для цитирования: Алексеева Т. А., Ильин М. В., Кузнецов А. М., Поповкин А. В. Гуманитарная наука перед вызовом трансформаций современного мира (материалы научного семинара) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 42–53. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/42-53

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/42-53

Humanities facing the challenge of transformations of the modern world (materials of a scientific seminar)

Tatyana A. Alekseeva
Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, ataleks@mail.ru
Mikhail V. Ilyin
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, mikhaililyin48@gmail.com
Anatoly M. Kuznetsov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuznetsov.2012@ mail.ru
Andrey V. Popovkin
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, andrey.popovkin@gmail.com

Key words: *humanities, philosophy, non-classical science, uncertainty, political realism, political science, international relations, unipolarity, multipolarity, inductance*
For citation: Alekseeva T. A., Ilyin M. V., Kuznetsov A. M., Popovkin A. V. Humanities facing the challenge of transformations of the modern world (materials of a scientific seminar) // Oikumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 42–53. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/42-53

Кризисные симптомы в развитии социально-гуманитарных наук в контексте значимых событий последнего времени проявляются всё более отчетливым образом. Одной из основных причин сложившегося положения представляется неудовлетворительное состояние существующих теоретико-методологических оснований этих наук. По этой причине в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН было решено провести на базе кафедры философии ДВО РАН серию семинаров по обсуждению возможных перспектив развития данной области исследований. Значимым этапом в реализации намеченных планов стал теоретический семинар "Гуманитарная наука перед вызовом трансформаций современного мира. Как найти идеи, которые помогут дать адекватный ответ на происходящее?", прошедший 16 мая 2023 г. Открыл семинар директор Института истории ДВО РАН, академик РАН Н.Н. Крадин. В своём выступлении он отметил актуальность и значимость задач, поставленных организаторами семинара. Отметил он также существенный вклад Института в разработку теории и ме-

© Алексеева Т. А., Ильин М. В., Кузнецов А. М., Поповкин А. В., 2024

тодологии исторической науки, заключающийся в том числе в издании соответствующего учебного пособия **[7].**

Некоторые общие проблемы современной гуманитаристики в своём выступлении на семинаре осветил А.М. Кузнецов. Он актуализировал вопросы последствий пандемии COVID-19, обострения конфронтации между Россией, Китаем и коллективным Западом, небывалого всплеска русофобии, а также новой роли мирового большинства, которые кардинально преобразовали современный мир. В результате стало очевидно, что многие наши прежние взгляды, представления, идеи и концепции потеряли свою актуальность, так как они не в состоянии дать ответы на вновь возникшие вызовы. Очевидно, что эти новые реалии стали серьезной проблемой для социально-гуманитарного знания и, прежде всего, его теоретико-методологических оснований. Не случайно появляются призывы к отказу от теории, "больших нарративов" ради анализа конкретных ситуаций, следования фактам и т.д. Однако, можно утверждать, что эти кризисные проявления сегодня создают и благоприятные условия для *переосмысления* прежних достижений в области *теоретизирования* и *создания* новых базовых оснований наших отраслей знаний. Сама изменившаяся реальность настоятельно требует внедрения новых подходов и идей для её осмысления. Как представляется, для реализации поставленной цели нам необходимо решить несколько сложнейших проблем.

Во-первых, нужно внести определенность в отношения естественных и гуманитарных наук. Постмодернистский вызов, как известно, категорично отказал нашей отрасли в научности, критерии которой формировались в предыдущую эпоху, отмеченную духом рациональности и позитивизма. Однако XX в. стал не только началом радикальной научно-технической революции и порожденного ею информационного взрыва, подготовивших почву для освоения космоса, современного развития информационных технологий, робототехники и разработок в области искусственного интеллекта. Эти новые реалии вызвали переосмысление представлений о месте и роли человека, возобновили дискуссии о сознании, провоцируемые также призывами к трансгуманизму и сингулярности.

Важно отметить, что подобные антигуманитарные настроения развивались в контексте переосмысления прежних наших устремлений к приданию социально-гуманитарному знанию "подлинной научности" в *позитивистском* духе. Отсюда стремление к внедрению *формализации* как противодействия свойственному нам *субъективизму* и открытию неких *универсальных законов* развития общества. Однако к середине XX в. стало появляться все больше данных, показывающих, что прежние претензии на "универсальность" наработанного теоретико-методологического арсенала себя не оправдали. Новые настроения получили выражение в критике западоцентризма, появлении теорий постколониализма, понятия "методологический национализм" и т.д. Представление о многообразии современной социально-политической реальности, не укладывающейся в прежние схемы её описания заставили заниматься *конкретным* в противовес *универсальному*, *субъективным* вместо *объективного*. Так создавались условия для *антропологического поворота* в современной гуманитаристике.

Осознание того факта, что за всей этой разнообразной социальной, политической, культурной и т.д. реальностью стоит **человек**, актуализировало несколько проблем. Во-первых, насколько люди одинаковы? Этническая парадигма, представление о многообразии форм политической и других видов организации сообществ людей утвердили, скорее, представление о наших различиях, чем о сходстве. Во-вторых, признание нашего многообразия в социальной, политической, культурной и других сферах, формирующих среду, в которой существуют люди, заставило задуматься над другим вопросом: *различия внешних условий жизни человека оказывают ли воздействие на восприятие и осмысление действительности*? Развитие такого направления как **энактивизм** и социальной/культурной нейронауки дало определенный ответ: да, оказывает!

Следовательно, человек и его *качества* как *создателя* нашего *культурного мира* и его *исследователя* определяет *специфику наших наук* в отличие от естественников. Последние сталкиваются с подобными проблемами, в луч-

шем случае, через концепт *наблюдатель*, т.к. они занимаются *природными явлениями*. В нашем случае мы имеем дело не только с проблемами наблюдателя (*субъективизмом*), но нам приходится изучать *искусственный* мир, созданный *людьми*, в соответствии со своими представлениями, на которые влияет конкуренция различного понимания своих задач. *Поэтому в силу отмеченной специфики задач социально-гуманитарной науки нельзя полагаться целиком на опыт естественнонаучного знания,* а необходимо создавать *собственное понимание научности и её критерии*. В своей основе такое понимание должно быть трансдисциплинарным, включающим *антропологическую составляющую и* учитывающим специфику *отдельных индивидов* и разных их *объединений*.

Во-вторых, призыв к разработке собственных критериев научности не означает отказ от достижений естественных наук в теоретико-методологической сфере. Их ведь тоже создавали люди. В частности, речь здесь идет о принципах *комплиментарности* и *сложности*, позволяющих выйти из наших неэффективных дискуссий о междисциплинарности. Раскрыть потенциал рассматриваемых принципов и дополнений к ним может обеспечить методология анализа *сложных систем*, успешно реализуемая в нейробиологии и некоторых других областях. Важное значение в современных условиях приобретает также *процессуальный подход* к рассматриваемым проблемам, анализ динамики их развития, реализуемый, в частности в концепции трендов/мегатрендов и идее зависимости от траектории предыдущего развития. Каким образом можно соединить сложность, комплиментарность и процессуализм позволяет понять методология хронополитики, предложенная Р. Уолиссом, а в нашей стране доработанная М.В. Ильиным и В.Л. Цымбурским.

Наконец, с учетом значимости принципа многообразия, позволяющего преодолеть издержки *методологического национализма*, нам следует критически пересмотреть достижения зарубежных коллег, чтобы отделить реально значимое их содержание от псевдоуниверсального. Понятно также, что в нашей российской научной традиции есть свои серьезные достижения, связанные с развитием системных идей (А.А. Богданов, С.М. Широкогоров), структурными исследованиями (В.Я. Пропп), анализом цикличных процессов (Н.Д. Кондратьев), и другие, от которых не стоит огульно отрекаться.

Т.А. Алексеева в своем докладе "Политология и новый мировой порядок: что дальше?" отметила, что изменение мирового порядка, на фоне хаоса, непредсказуемости и экспоненциального роста технических инноваций, ставит под вопрос многие устоявшиеся концепты и мировоззренческие установки. Сегодняшний тренд – турбулентность и нелинейность, случайность и относительность пространства и времени, коэволюционность изменений, условность закономерностей в развитии природы и общества. Иными словами, мы стали свидетелями прихода и утверждения постнеклассической картины миры, предсказанной еще в 1970-е гг. бельгийским физиком российского происхождения Ильей Пригожиным и его последователями.

Между тем, с упорством, достойным лучшего применения, коллеги продолжают рассуждать о Модерне и Постмодерне, капитализме и его новых проявлениях в цифровую эпоху, культурных инновациях "Запада" и мультиполярности, а также о других вопросах и проблемах, которые при всей своей кажущейся новизне, в сущности, принуждают нас оставаться приверженными все той же колее. И это в то время, когда мир меняется с такой скоростью и инновационностью, что в пору задуматься: а понимаем ли мы в принципе, что же все-таки происходит, и куда мы идем?

Традиции международных исследований сохранились на протяжении двух тысячелетий, развиваясь, видоизменяясь, взаимно перекликаясь, сливаясь и дистанцируясь, и подвергая друг друга нередко весьма нелицеприятной критике. Но здесь возникает еще один немаловажный вопрос: увлекшись новизной, не остановимся ли мы на полпути в осмыслении прошлого, так и не сделав ни нужных выводов, ни усвоив столь необходимых уроков? Похоже, что все именно так, поэтому вопрос о соотношении материальной и идейно-ценностной составляющей государственных интересов и внешней политики периодически всплывал в дискуссиях теоретиков и практиков международных отношений. И будет всплывать и впредь.

Отечественный исследователь В.О. Беклямишев, отталкиваясь от рассмотрения причин, побуждающих политических акторов обращаться к образам прошлого, выделяет четыре формы актуализации коллективной памяти в политическом дискурсе: 1) коммеморация, то есть переозначивание исторического события в современном контексте; 2) помещение современной проблемы в исторический контекст; 3) экстраполяция исторических тенденций в будущее и 4) проведение исторической аналогии **[1, с. 92–107].**

Целый ряд, в том числе, российских, ученых полагает, что мировой порядок установился после окончания Второй мировой войны и с незначительными изменениями продолжает существовать по сей день. Даже распад СССР в 1991 году не стал для этих ученых знаком глубочайшей перестройки мирового порядка.

Однако же проблема заключаются в том, что политические науки сегодня, несмотря на подъем в последние десятилетия, оказались не в лучшем положении. Т.А. Алексеева принимала непосредственное участие в разных фазах этого подъёма, начиная ещё с тех времен, когда политологическая проблематика рассматривалась как часть других общественных наук, по крайней мере, в нашей стране. Только в 1970-е гг. такие крупные ученые и политические деятели как Шахназаров, Бурлацкий, Мшвениерадзе, Галкин, Пантин и некоторые другие начали работать над созданием политологии как новой дисциплины в советских общественных науках. Освоение зарубежной политологии шло довольно медленно и не носило массового характера. При этом с самого начала политическая наука в России пошла по двум магистральным, дистанцированным друг от друга направлениям – как собственно политология, так и как международные исследования. В первом случае она начиналась как политическая философия и история политических учений, а потом, в силу известных обстоятельств, перешла в фазу более прагматичной дисциплины. Международные исследования шли по пути аналитики, главным образом, на базе господствовавшего в то время политического реализма. Впрочем, уже тогда предпринимались некоторые, весьма успешные попытки внедрить политическую теорию (достаточно вспомнить знаменитую книгу В.И. Гантмана "Буржуазные теории международных отношений"), а также количественные методы (в Проблемной лаборатории МГИМО, Институте системных исследований и ряде других центров). Между тем, всё еще сохраняющаяся "стена" между двумя направлениями отнюдь не способствует научному продвижению.

После 1991 г. заниматься политологией стало модно и престижно, она открывала немалые карьерные и даже финансовые перспективы. Такого рода подъёмов в её российской истории было несколько, хотя, возможно, они были менее заметны. Главное, что отечественную политологию все-таки удалось создать, и здесь, безусловно, есть чем гордиться. Но жизнь не стоит на месте, и не секрет, что в последние два-три года мы испытываем некоторое разочарование.

Разочарование связано, прежде всего, с тем, что для очень многих, особенно тех, которые не имеют к этому непосредственного отношения, политология стала восприниматься как вульгарная болтовня с телеэкрана. Политических мыслителей мало, особенно на фоне т.н. "политологов", которыми начали называть себя все, кто угодно. Происходит дискредитация политической науки и политического знания, в том числе, международно-политического.

Сегодня мы наблюдаем перестройку мирового порядка. Профессионалы совершенно правильно фиксируют рост военной эскалации, новый виток борьбы за передел рынков и "центры силы", противоречия морально-нравственного и социального характера и т.д. Но в какую сторону мы движемся? Вперед или назад? Или по кругу? Это, наверное, главный вопрос, на который политологи пока еще не ответили, поскольку простое перечисление признаков изменений мирового порядка, с которым мы часто встречаемся в литературе, мало что объясняет. И наш долг – искать ответы на эти вопросы.

Совершенно неслучайно, что львиная доля наших международников (что подтверждается статистически) – это люди, которые по-прежнему привержены политическому реализму. Казалось бы, это уже почти ушедшая в прошлое теория. Но не продолжаем ли мы по-прежнему мыслить в механистическом ключе, в то время как смена научных картин мира (сначала на

неклассическую – эйнштейновскую, а затем и постнеклассическую (пригожинскую)) не затрагивает способ политологического мышления? Или делает это в минимальной степени. Между тем, вступление в ситуацию хаоса, нелинейности развития, сингулярности, т.е. превосходства случайности над необходимостью, искривление пространства и времени и т.д., радикально видоизменяют способ, в том числе, и политического мышления. Во всяком случае, должны. Это имеет непосредственное отношение к политологии. Известный теоретик конструктивизма А. Вендт неоднократно указывал, что онтология – не та проблема, на которую большинство теоретиков-международников обратит внимание. В конце концов, для них исследование должно помочь понять смысл происходящего в мировой политике, поэтому онтологические вопросы обычно отдаются философам. Однако, продолжает Вендт, даже в наибольшей степени ориентированные на эмпирические проблемы исследователи должны прежде всего "сделать онтологию" **[11]**.

Это необходимость, а реагируем мы на неё сплошь и рядом почти "случайно" – лишь изредка всплывающие сюжеты, иногда постановочные, маленькие сборники. Конечно, политическая теория (философия), в силу наших собственных интересов, представляется особенно важной, но дело здесь не в личных симпатиях и антипатиях. Дело не в том, что теоретическое направление важнее эмпирического, или стремление к абстрактным идеям более значимо, чем более "практичные" варианты исследования. Причина в том, что теоретические предположения, а также дебаты вокруг них помогают очертить контуры предмета и предопределяют даже самые эмпирические по своему характеру исследования. Исследование международных отношений и политических процессов – это, прежде всего, исследование тех идей, которые определяют практические шаги, будь то наших противников или друзей, или даже наши собственные. Следует вспомнить слова одного из основателей "политического реализма" Э. Карра, который ещё в своей книге "Двадцатилетний кризис" подчёркивал, что для понимания мировых процессов необходимо соединить "есть" (т.е. прикладную политологию) и "должно быть", (т.е. политическую философию): "Утопия и реальность, таким образом, это два лица политической науки. Надежная политическая мысль и надежная политическая жизнь обнаруживается только там, когда для них обеих находится место" **[9, p. 10]**. Этот тезис Карра "потерялся" при многочисленном цитировании его книги. Может быть, пора к нему вернуться?

Мы попробовали сделать ряд работ, посвященных, в частности, такой проблеме, как квантовый подход к международным исследованиям. По мнению ряда зарубежных ученых, он станет приоритетным в политических науках в обозримом будущем. Пока это довольно робкие шаги в направлении нового воссоединения методологии естественных и социальных наук, нового, поскольку такого рода попытки предпринимались в истории политической науки неоднократно, но теперь пора выходить на новый уровень. В конце концов, политология всегда заимствовала методы и идеи из других сфер науки.

Статьи и сборник получили резонанс, потому что идею признали физики. Но не политологи. Они не заметили, не заинтересовались. И, тем не менее, надо идти дальше. По убеждению Т.А. Алексеевой, вся проблема заключается в том, что и политическая наука, и теория международных отношений – не просто междисциплинарные направления деятельности, они *принципиально междисциплинарные*. Смысл междисциплинарности – в разрушении предметных барьеров ради лучшего понимания поведения государств и других акторов на международной сцене. Более того, Вавилонская башня была, есть и будет, и момент, когда не станет Вавилонской башни, наверное, будет самый трагический для политической науки. Почему? Именно потому, что это политическая наука – живая, подвижная, изменяющаяся, отвергающая всякий догматизм. Разумеется, если это именно наука, а не заученная идеология.

Как отметила Т.А. Алексеева, на её глазах происходили "повороты" в политическом мышлении. Идеологию марксистско-ленинскую поменяли на идеологию либеральную. И на фоне идеологии либеральной начали изучать, а какие, собственно, есть понятия, какие есть концепты. Всякая наука, политическая наука и наука о международных отношениях, начинается с того, что формулирует свои концепты. Для ранней стадии образования науки это нормально, но нельзя на ней слишком долго оставаться. Эти трудности роста

особенно остро сказываются на преподавании наших дисциплин. Прежде чем говорить о преподавании, следует представить более ясно, что именно преподавать, и не просто как, но и почему. Ведь, в конечном счете, мы должны получить знающего, думающего творческого специалиста, а отнюдь не ремесленника, заучившего базовые определения, но не умеющего мыслить политически. У нас появилось множество учебников, которые требуют простого заучивания. На первом курсе это важно. Но мир меняется и сегодня просто знания концептов уже недостаточно. Тем более, что пришла пора некоторым из них дать трактовку, отвечающую новым задачам страны.

В этой связи Т.А. Алексеева обратила внимание на очень важный момент. Еще в 1950-е гг. появилась знаменитая работа В. Гэлли "Сущностно оспариваемые концепты", о чем довольно много писал М.В. Ильин. Речь в ней идёт о самом важном для развития политической мысли: почти каждый её концепт допускает множество толкований. Более того, эти толкования меняются исторически, в зависимости от момента, от страны, от наблюдателя, от картины мира, которая признана в этот момент и т.д. Но у концепта всегда есть так называемый "нервный узел" ("sore"). Это понятие неправильно переводят как "ядро", то есть нечто стабильное, неизменное. А это именно *нерв*, т.к. он находится в постоянном *движении* внутри зачастую нечетко ограниченного концепта. Но он позволяет увидеть концепт с точки зрения конкретного исследования, интерпретировать содержание, а это приобретает важнейшее значение, особенно в постнеклассической картине мира. Случайность, сингулярность предполагает возможность постоянных изменений. Это надо фиксировать и надо ловить. А это означает, что в процессе обучения студентов на первый план должны выходить навыки анализа, сопоставления, развитие креативности, *умения думать*.

В тот момент, когда политическая наука становится шаблоном, она превращается в идеологию. И примеров тому на протяжении истории политической науки было великое множество. А потому – необходимо искать. И наша основная задача на сегодняшний день как политологов – *понять,* а что, собственно, *происходит в мире* и, главное, *почему* и что из этого *следует*. Как мы можем и должны реагировать на происходящее? Не конъюнктурно, потому что любая наука по определению консервативна. Речь идет о другом: политическая наука должна обрести *собственный голос*, а не просто *комментировать* текущие события.

Еще один вопрос – это "западоцентризм", от которого многие готовы тотчас отказаться и со всех ног, по Маяковскому, – "задрав штаны", побежать искать что-то на Востоке, в лучшем случае, у самих себя. Было хорошо сказано, что мы "донашиваем шляпки Европы". И да, и нет. Если политология – наука, то не суть важно, где именно она появилась. В конце концов, взаимовлияние разных традиций никогда не уходило. Может быть французская, английская, российская, китайская и др. точка зрения. Другое дело, что всякая социальная наука нуждается в *деидеологизации*, в очищении от элементарного вранья, фантазий, мифов, которые искусственно создавались и искусственно внедрялись, и, разумеется, догм.

В этой связи возникает немалая опасность. Сегодня публикация статей на политологические темы начала сталкиваться с трудно разрешимой проблемой. Любая статья подвергается предварительному рецензированию. С одной стороны, это очень хорошо, так как предполагает требования к качеству, отсутствию плагиата и т.д. Это означает, что специалисты читают новые статьи, и выносят свой вердикт: "Годится – не годится, уровень не дотягивает, неверная интерпретация" и т.д. С другой стороны, здесь возникает серьезная опасность. А что, если такого рода рецензирование становится препятствием на пути новых идей, оценок и трактовок? А что, если мысль исследователя не соответствует учебнику, потому что там этого просто нет? Но есть жесткие формулировки, сродни словарным. Возможны ли вообще такие жесткие определения в политической науке? Это вопрос, на который у Т.А. Алексеевой нет однозначного ответа. Поэтому она является сторонником того, что методов, трактовок онтологий и эпистемологий у каждого направления должно быть много. Потому что мы ищем. У нас нет и, хочется надеяться, никогда не будет завершенного проекта. А будет политическая наука, адекватная своему вре-

мени и вечно меняющемуся миру, в котором живём мы и будут жить сегодняшние студенты.

В свою очередь, М.В. Ильин в представленном докладе рассмотрел логику изменений в мировой политике с середины прошлого века до наших дней и сопоставил важнейшие вызовы с предложенными политической наукой ответами. Он отметил, что за счёт создания ООН и формирования биполярной системы мощный кризис модернизации, ввергший мировое развитие в череду войн и революций первой половины XX столетия, удалось вывести его из острой фазы и купировать. Спонтанные процессы послевоенных и постреволюционных реконструкций в режиме вызова-и-ответа создали в 1970-х – 1980-х гг. предпосылки для перехода к глобализации и формированию многостороннего мирового порядка с помощью политических практик и институтов полицентричной управляемости (governance) и устойчивого регулирования развития (sustainable development).

Политическая наука ответила на эти процессы рядом открытий преимущественно в виде интуиций, грубых операциональных схем и частных открытий. Они включали концепции от волн демократизации и государственного строительства до институциональных схем распределения власти и взаимной (рефлексивной) подотчетности участников политических процессов. Ряд открытий и важных результатов оказались невостребованными или незамеченными. Это изучение центр-периферийной полярности и глобализации как естественно-исторического процесса, а также разработка стэнфордской модели кризиса **[6; 8]**.

Накануне перехода к новому тысячелетию процессы непроизвольного складывания многополярного и многослойного глобального порядка были разрушены путем навязывания униполярности и усиления директивного регулирования на региональных, национальных и локальных уровнях, что вело к ослаблению, а то и разрушению практик и режимов рефлексивной подотчетности, т.е. к дефициту демократии (democratic deficit). Спровоцированные или вызванные некомпетентностью кризисные процессы приобрели спонтанную динамику во втором десятилетии XXI в. и не получили адекватного анализа и осмысления в политической науке.

В докладе М.В. Ильина были предложены вытекающие из опыта политической науки направления интеллектуальных поисков. Сделан вывод, что нынешний глобальный кризис является "гроздевым" со множественными встроенными (nested) кризисами. В усложнившихся условиях выход из него не мыслим уже без разработки и системного использования научно обоснованной модели глобального кризиса со встроенными "гроздями" локальных и секторальных кризисов.

Поворотным моментом преодоления кризисов может стать опора на модифицированный принцип паритета в сравнении с вестфальским *itio in partes* и с блокирующим паритетом сверхдержав. Вполне возможно, что такой паритет мог бы быть двух или даже трехслойным. Целесообразно формально закрепить его с одной стороны в реформированной модели СБ ООН, а с другой суверенного участия в новых организациях, типа обновленных ЕС и ОБСЕ на глобальном и региональных уровнях.

Весьма вероятно, что поворотному моменту будут предшествовать формирования победных коалиций хотя бы в ряде частных (региональных, локальных, секторальных и др.) кризисов и начало процессов ресинхронизации. Столь же вероятно, что победным коалициям, перешедшим к синхронизации в своих сферах, придется или формировать межкоалиционные коалиции, или договариваться о консолидации устойчивых многополярных порядков на основе децентрализованной управляемости и рефлексивной подотчетности. Достигнутый в рамках поворотного момента компромисс не может не быть многоярусным и многоаспектным. Он также потребует урегулирования остававшихся неурегулированными частных кризисов, в том числе, за счет их синхронизации с возобладавшим мировым порядком.

Общие проблемы науки, актуальные на современном этапе, в философском контексте вынес на обсуждение А.В. Поповкин в своём выступлении "Критерии научности и природа науки". Новоевропейская наука рождается, по выражению историка науки Д. Вуттона, как "бунт математиков" против философов, находящихся в услужении богословию **[2, с. 30].** Пафосом новоев-

ропейского естествознания становится создание принципиально новой Философии Природы. Эта новая натурфилософия должна была быть, по замыслу создателей, не улучшением или исправлением старой философии, опирающейся на авторитеты, но именно созданием с чистого листа. Новым учителем был избран не один из авторитетов, но опыт (ср. Леонардо да Винчи любил подписываться "ученик опыта"). При этом новая философия природы опиралась на опыт особого рода. Во-первых, речь в ней идёт об опыте, оснащенном приборами, позволяющими превратить наблюдение в *измерение*. Во-вторых, для нового опыта начинают создаваться *особые условия*, а сам он – проводиться на основе *идеальных моделей*. Иными словами, появляется научный эксперимент. И, конечно, новое метризированное наблюдение открывает возможность с одной стороны применения математики к познанию "подлунного" мира, а с другой – преодоления субъективности конкретного акта наблюдения. По крайней мере, именно такую мысль относительно применения геометрии в физике вкладывает Галилею Э. Гуссерль: "Галилей, стало быть, сказал себе: где бы ни сформировалась такая методика, благодаря ей мы всюду преодолеваем и относительность субъективных воззрений…" **[3, с. 48]**. При этом математика становится не просто языком новой науки. Поскольку математическое знание имеет силу логической достоверности, возникает соблазн приписать научному знанию силу математической достоверности.

Революционность новой галилеевской науки станет яснее, если вспомнить, что начиная с Платона физика (наука об изменчивой природе, в отличие от метафизики – науки о неизменных первоначалах) считалась наукой недостоверной. Было неоднократно доказано, что относительно предметов опыта невозможно делать логически достоверные высказывания. Дополняя аргументы Платона и Аристотеля последующими достижениями философии и науки, можно отметить следующие аргументы против математизации физики: изменчивость материальных объектов; проблема индукции, обнаруженная Юмом (любые индуктивные умозаключения относительно свойств мира основаны на неявном и индуктивно недоказуемом предположении об однородности мира); нечеткость типов (например, подчас сложно установить границы биологического вида) и т.п. **[10, с. 20–23].**

С помощью применения математики к результатам наблюдения и эксперимента создатели галилеевской науки хотели как бы "перепрыгнуть" через Платона. *Казалось, что применение математики делает физику настолько же достоверной, как геометрия*. Как отметил Э. Гуссерль: "Физика сразу стала для него столь же достоверной, что и прежняя чистая и прикладная математика" **[3, с. 61].** Но это не так. Математизация физики сделала наблюдения более объективными, но не сделала выводы на их основе более достоверными, сохранив их индуктивный характер, а значит и оставив под действием "проблемы Юма". Коротко говоря, любые прогнозы на основе математизированных законов естественных наук или распространение их действия на весь мир по-прежнему зиждется на индуктивно недоказуемой уверенности в однородности мира. В истоках формирования современного математизированного экспериментального естествознания стояло фундаментальное заблуждение Галилея о том, что физику можно редуцировать к математике. Это заблуждение разделяли и многие философы. Например, Кант полагал, что "в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики" **[4, с. 251].** Однако, во-первых, оказалось, что физику и естествознание в целом, невозможно свести к чистой математике. Во-вторых, математическое описание физического факта не гарантирует нам его *достоверной интерпретации*. И даже о точности описания можно говорить лишь в пределах погрешности измерений. Ситуацию очень хорошо иллюстрируют выведенные физиком и историком науки П. Дюгемом два главных требования, которым должна подчиняться физическая теория: 1) иметь математическую форму, что позволяет работать с ней как с аксиоматической математической теорией; 2) иметь экспериментальное подтверждение, в смысле совпадения её выводов с результатами экспериментов или наблюдений в пределах погрешности измерений **[цит. по: 5, с. 195]**. При этом, с точки зрения такой математизированной физики, две различные теории, одинаково удовлетворительно описывающие некоторую сферу эмпирии, для нас неразличимы в плане истинности – у нас нет оснований отдавать какой-либо из них

предпочтение. Отметим, что подобная ситуация немыслима в физике Аристотеля, ставившей во главу угла вопрос о сущности физических процессов, а не их формально-математическое описание.

Современное естествознание, или, точнее, сознание большинства ученых-естественников также несвободно от заблуждения о том, что математизация физики придала физическому знанию достоверность математического. В этой связи многие представители естествознания продолжают претендовать на то, что их описания Природы есть описания "того, что есть на самом деле", т.е. имеют статус достоверных высказываний о реальности (в метафизическом смысле). Кроме того, поскольку положения возникшей в XVII в. новой философии Природы должны были подлежать проверке измерением в наблюдении или эксперименте и выводится из результатов измерений, рождающееся естествознание обрело еще один "врожденный порок" в виде редукционизма. Многие представители естествознания со времен Галилея и до наших дней склонны утверждать, что *в реальности существует* лишь то, что в той или иной степени доступно измерительному эксперименту или наблюдению. Отсюда проистекает стремление физиков делать метафизические утверждения на основе своих физических теорий, а также великое множество несуразных попыток "вторжения" естествознания в гуманитарные и общественные науки. Примечательно, что среди современных гуманитариев лишь некоторые школы претендовали на абсолютную, метафизическую, достоверность своего научного знания. Например, главные претенденты на постижение "объективных законов истории" – марксисты. В этой связи можно указать на попытки свести любовь к гормональным процессам, деятельность сознания – к информационным или биохимическим процессам и т.п.

Многочисленные и несомненные успехи естествознания (особенно физики) в объяснении явлений природы, его влияние на промышленное развитие поставили его в положение образца научности. Продолжая мысль Д. Вуттона, можно сказать, что бунт математиков против философов удался. Мы видим, на первый взгляд, успешное наступление естествознания по всем фронтам: клиометрия в союзе с некоторыми математическими теориями, вроде теории игр, обещает сменить историю, а нейронауки вместе с теорией машинного обучения вот-вот сделают ненужными психологию, философию и педагогику. Но дело в том, что большинство этих побед – лишь видимость. Но чтобы понять это, нужно вернуться к истокам науки и философии.

Дело в том, что ещё Аристотель пришел к выводу о том, что можно выделить четыре независимых и несводимых друг к другу причины бытия любого сущего, а именно: 1) формальная или сущность вещи; 2) субстратная или то, из чего; 3) целевая или то, ради чего; 4) каузальная или то, откуда начало движения. (Например, в "Метафизике" кн. III гл. II Аристотель иллюстрирует случай наличия всех 4-х причин на примере строительства дома: "то, откуда движение, – строительное искусство и строитель; "то, ради чего" – сооружение; материя – земля и камни; форма – замысел дома (logos)"). Из этих четырех причин Галилей вполне сознательно оставил в новом естествознании всего две: субстратную и каузальную. Только эти две причины фигурируют в классической и современной физике. Вопрос, например, о *цели* движения электрона или существовании мира – одинаково бессмыслен с точки зрения естествознания. В то же время жизнь индивидуального человеческого сознания, равно как и общественные процессы не могут быть адекватно описаны без указания целевой причины. Так, эти строки были написаны не только потому, что нервные импульсы шли по нервным окончаниям и пальцы были достаточно тверды, чтобы нажимать на клавиши, но потому, что автор имел *намерение* сказать то, что написал.

Как известно со слов классика, "кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится": для этого нужна внешняя причина. Но можно ли объяснить *только* внешними причинами, игнорируя внутренние намерения, все человеческие поступки? Иными словами, исследование предмета гуманитарного знания требует помимо каузальной указания *интенциональной причинности*. Но все предметы такого рода ещё на заре становления нового естествознания были выделены в область *наук о духе*. В этом смысле попытки создать сознание человеческого типа с помощью физики и компьютерных наук напоминает попытки получить с помощью геометрических построений

аромат розы. Эти соображения кладут границу распространения естествознания как образца научности на область гуманитарного знания.

Другую границу выявила современная ситуация в науке. Дело в том, что после второй мировой войны естествознание приобретает "промышленный" характер. Основной чертой науки второй половины XX в. становится максимальная реализация декартовского принципа деления "сложных" задач на "простые" и, как следствие, нарастающая специализация ученых и их низведение до "решателей сложных задач". Соответственно, в естественных науках растёт число ученых, лишенных общего видения науки как "новой философии природы", и более того – не стремящихся к такому видению. Новый принцип "промышленной" науки был сформулирован в шутливой и несколько грубоватой форме: *shut up and calculate*. Отсюда остается рукой подать до современного постмодернистского критерия научности: *наука – это то, что публикуют рейтинговые журналы*. Важно отметить, что такой критерий гораздо более губителен для социо-гуманитарных наук нежели для естественных. Основная причина уязвимости гуманитарного знания для публикационного критерия научности состоит в том, что в большинстве социо-гуманитарных наук сложно выделить то, что Т. Кун назвал парадигмой науки.

Возьмём два крайних случая. Так, физики, даже принадлежащие к разным научным школам, тем не менее, говорят на одном языке, им понятны задачи и способы решения общих проблем. Вопрос чаще всего стоит в выборе оптимальной математической модели или метода решения. Всё это потому, что разные физико-математические школы объединяет общая парадигма современной физики. Но если мы рассмотрим в этом ключе философию, то обнаружим, что философы разных школ буквально говорят на разных языках. Они не просто по-разному решают проблемы – они буквально могут не считать представителей другой школы за философов вообще, а в лучшем случае считать их проблематику ложной. Иными словами, в философии отсутствует единая парадигма. Поэтому, например, вопрос о том, что по некоему поводу думает философия – не имеет смысла. И, напротив, вполне можно спросить, что думает современная физика, например, о строении вещества. Конечно, в других социо-гуманитарных науках положение дел не столь радикально. В той же истории можно говорить об общеисторических методах и подходах. Тем не менее, различие научных школ в них намного более радикально, чем в естественных науках. Положение дел у гуманитариев усугубляется ещё и гораздо большим влиянием мировоззренческих и ценностных установок ученого на выдвигаемые им теории, выводы и обобщения. Так, например, физик-коммунист и физик-неолибертарианец вполне могут быть в согласии относительно важных вопросов квантовой теории. Но коммунист-историк с историком-либертарианцем или, паче того, историком-нацистом вряд ли вообще найдут общий язык. В результате нейтральная и объективная оценка научными журналами работ историков, философов, антропологов и т.п. возможна далеко не всегда. Это порой превращает публикационный критерий, относительно объективный для естественных наук, в инструмент идеологического диктата и цензуры в науках социо-гуманитарного профиля.

***

Подводя итоги, нельзя не отметить, что все участники семинара едины в том, что современные гуманитарные науки проходят критическую фазу своего развития, обусловленную как трансформациями мира в целом, так и развитием естественнонаучного знания. Такой вывод логически вытекает из оценки сложившейся ситуации в разных отраслях политической науки, включая и международные отношения, а также общего состояния теоретико-методологических оснований современной гуманитаристики. Существующие проблемы с критериями и общим состоянием научности в данной сфере обусловлены, с точки зрения представителей естественнонаучных отраслей, засильем "субъективизма", который не позволяет получать собственно *знания*, а продуцирует только плюрализм взаимоисключающих *мнений*. Между тем, непредвзятый взгляд на текущее положение дел в естественных ("правильных") науках позволяет обнаружить здесь свои издержки, обусловленные переходом на "промышленную" стадию, а также переоценкой значения математики для придания достоверности выводам, например, физики (метафизики).

Участники семинара в основном продемонстрировали оптимизм по поводу перспектив применения некоторых естественнонаучных подходов, (особенно тех, что определили лицо постнеклассической науки) для выхода гуманитарного знания из кризиса. Однако, как сказал классик: "Прежде чем объединяться, нам надо решительно размежеваться". Принципиальные различия в естественнонаучном и гуманитарном познании заключаются в том, что в нашем случае приходится иметь дело не с природными, а социокультурными явлениями, которые обусловлены возникновением такого явления, как разум, и его носителем – человечеством. Однако, к такому кардинально *антропологическому повороту*, который предусматривает внедрение трансдисциплинарности на основе принципа сложности, мы пока еще не готовы. Возможно, в будущем реализация таких представлений приведет не только к трансформации гуманитарного знания, но и к смене парадигмы естественных наук. На современном же этапе нам предстоит пересмотреть наши взаимоотношения с естественными науками, разработать адекватные особенностям социогуманитарной сфере критерии научности, а затем осуществить реальный трансдисциплинарный синтез, который позволит более достоверно понимать реалии нашего мира.

Литература

1. Беклямишев В.О. К вопросу об изучении исторических аналогий в политическом дискурсе: описание проблемного поля // Вестник Московского университета, Серия 12. Политические науки. 2021. № 6. С. 92–107.

2. Вуттон Д. Изобретение науки: Новая история научной революции / Дэвид Вуттон; пер. с англ. Ю. Гольдберга. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 656 с.

3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2004. 398 с.

4. Кант И. Метафизические начала естествознания. 1786 / Иммануил Кант; пер. с нем. В.П. Зубова. // Сочинения. В 8 тт. Т. 4. М.: Чоро, 1994. 630 с.

5. Катасонов В.Н. О границах науки: научное издание. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом "Познание", 2017. 296 с.

6. Окунев И. Ю. Стэнфордская модель кризиса развития // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 136–144.

7. Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Издательство "Учитель", 2014. 504 с.

8. Almond et al. Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political. Boston: Little, Brown and Company, 1973. 717 p.

9. Carr E. H. The Twenty Years Crises, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan, 1946. 243 p.

10. Okasha S. Philosophy of Science: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. 140 p.

11. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 447 p.

References

1. Beklyamishev V.O. On the issue of studying historical analogies in political discourse: description of the problem field // Bulletin of Moscow University, Series 12. Political sciences. 2021. No. 6. P. 92–107. (In Russ.).

2. Wootton D. The invention of science: A new history of the scientific revolution / David Wootton; trans. from English Yu. Goldberg. M.: KoLibri, Azbuka-Atticus, 2018. 656 p. (In Russ.).

3. Husserl E. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology: Introduction to phenomenological philosophy / trans. D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: University Foundation: Vladimir Dal, 2004. 398 p. (In Russ.).

4. Kant I. Metaphysical principles of natural science. 1786 / Immanuel Kant; trans. V.P. Zubov. // Essays. In 8 vol. Vol. 4. M.: Choro, 1994. 630 p. (In Russ.).

5. Katasonov V.N. On the boundaries of science: scientific publication. M.: Church postgraduate and doctoral studies named after Saints Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius, Publishing House "Poznanie", 2017. 296 p. (In Russ.).

6. Okunev I. Yu. Stanford model of the development crisis // Polis. Political studies. 2009. No. 3. P. 136–144. (In Russ.).
7. Theory and methodology of history: a textbook for universities / Ed. by V.V. Alekseev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. Volgograd: Uchitel Publishing House, 2014. 504 p. (In Russ.).
8. Almond et al. Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political. Boston: Little, Brown and Company, 1973. 717 p.
9. Carr E. H. The Twenty Years Crises, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan, 1946. 243 p.
10. Okasha S. Philosophy of Science: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. 140 p.
11. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 447 p.

◆

Информация об авторах

Татьяна Александровна Алексеева, д-р полит. наук, зав. кафедрой политической теории Московского государственного института международных отношений (университета), Москва, Россия, e-mail: ataleks@mail.ru

Михаил Васильевич Ильин, д-р полит. наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета (Высшая школа экономики), руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор Московского государственного института международных отношений (университета), Москва, Россия, e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Анатолий Михайлович Кузнецов, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@ mail.ru

Андрей Владимирович Поповкин, канд. филос. наук, зав. кафедрой философии ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Information about the authors

Tatyana A. Alekseeva, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e-mail: ataleks@mail.ru

Mikhail V. Ilyin, Doctor of Political Sciences, Professor, National Research University Higher School of Economics; Head of the Center for Advanced Methodologies for Social and Humanitarian Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Professor, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Anatoly M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@ mail.ru

Andrey V. Popovkin, Candidate of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok. Russia, e-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Поступила в редакцию 06.05.2023 Одобрена после рецензирования 07.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 06.05.2023 Approved 07.08.2024 Accepted 28.08.2024